

Татьяна Коростышевская

Цикл
«Владычица ветра»

ВНУЧКА БАБЫ ЯГИ
НЕВЕСТА КАЩЕЯ
МАТЬ ЧЕТЫРЕХ ВЕТРОВ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Татьяна Коростышевская

Мать четырех ветров

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2014
САРМАЛА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К66

Серия основана в 2011 году
Выпуск 132

Художник
С. А. Григорьев

Коростышевская Т. Г.

К66 Мать четырех ветров: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 313 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1853-4

Дамы и господа, спешите видеть!

Впервые под жарким элорийским солнцем для вас разыграется удивительное представление!

Любовь и страсть, придворные интриги, пышные балы, свидания и расставания, дуэли и пикантные ситуации. В главной роли — неугомонная Лутеция Ягг, юная рутенская ведьма, внучка бабы Яги. Во всех прочих — ее многочисленные друзья, недоброжелатели, поклонники, а также великий и ужасный князь Влад по прозвищу Дракон.

Пожалуйте, дамы и господа! Скучно не будет!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Коростышевская Т. Г., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1853-4

ПРОЛОГ

Пронзительный крик «Торо!» разносится над площадью Розы. Желтый песок брызжет из-под копыт быка, восторженно вопят зрители, пикадоры разбегаются, чтоб уже через мгновение перестроиться и продолжить свой смертельно опасный танец. Двухцветные плащи капоте трепещут, будто флаги на ветру. «Торо, бестия, торо! Подходи, бестия, поиграем!» Соленый ветер с моря доносит запах водорослей. Скоро и он исчезнет, смытый новым жестким ароматом — пота и крови, азартным запахом корриды. Зрители возбуждены. Круглый периметр арены заполнен. И уже плевать почтенным матронам на непристойно сползшие мантильи молодых подопечных, на сломанные нежными пальчиками веера и на жаркие взгляды, которыми опаляют раскрасневшиеся щечки благородных доний столичные повесы. «Торо, бестия! Торо!»

В двух кварталах от площади, под соломенным навесом таверны «Три танцующих свиньи» происходила встреча, не имеющая к корриде прямого отношения. На плетеных стульях, за выбеленной соленым ветром и жарким элорийским солнцем столешницей, друг напротив друга сидели двое. Хозяин заведения Педро Хуан Октавио ди Луна, по прозвищу Плевок и некто, чье имя обычно произносилось украдкой и на любом языке означало — смерть. Этот второй, несмотря на одуряющую жару пятого месяца мадхо, кутался в серый плащ. Длинная шпага с глубокой чашкой лежала на столе, как бы демонстрируя всем желающим, что пустой болтовни ее хозяин не любит. Плевок отдувался и поминутно вытирал лысину полинялой тряпицей, пока его собеседник цедил

вино из бокала с таким видом, будто каждый глоток может стать последним.

— Говоришь, у мальчишки, как там его зовут, есть какая-то поддержка в Квадрилиуме?

— Ну да, — фыркнул хозяин. — Точно так, Муэрто, точно так... Магичка к нему ходит как по часам, ежедневно, и сам он...

Плевок умолк, будто прикидывая, стоит ли выдавать на-гора ценную информацию. Собеседник терпеливо ждал, затем кончиками пальцев тронул эфес шпаги. Сталь звякнула о столешницу. Плевок быстро продолжал:

— Служанки все перешептываются, не простой кабальеро у нас живет-поживает. Аннунциата белье его стирает за медную монетку в день, так вот, заметила она на рубашках нашивки — знак саламандры.

— Огневик? Бывший маг или шпион ректора?

— Все может быть, — пожал плечами хозяин. — Только его удачные ставки на корриде совсем уж чародейством попахивают.

— Понятно. — Муэрто задумчиво пожевал губами и еще плотнее закутался в плащ. — Передай заказчику, придется доплатить. Одно дело скрестить шпагу в темном переулке с резвым вертопрахом, а совсем другое — с магом, пусть и бывшим.

— Ты, главное, это... — Хозяин отбросил тряпицу, в лучшие времена служившую для протирки посуды. — Главное предупредить меня не забудь. Клиенту-то нашему про мальчишкину кубышку знать не обязательно, а нам с тобой она очень пригодится.

— И что там, много припрятано?

— Да уж немало. Знаешь, кто на прошлой неделе куш сорвал?

— Это когда бык взбесился и пришлось в действе вторую терцию пропустить, переходя сразу к третьей? — скептически поднял рыжеватые брови Муэрто. — И на что же ставил наш объект?

Плевок исподтишка оглянулся, чтоб убедиться, что их никто не подслушивает.

— На отмену боя. Один поставил. Тридцать дублонов. Представляешь? А бой-то как раз и отменили!

Рыжеватые глаза смотрели равнодушно из-под низко наклоненных полей шляпы.

— Но ты все же с клиента прибавку спроси.

— Непременно, Муэрто. Все сделаю.

— Как, говоришь, нашего мальчика зовут?

— Мануэль Изиидо, провинциал, как все они — гордый до спеси.

— Ну, так мир праху его, — поднял Муэрто почти опустевший бокал. — Есть у меня предчувствие, что на днях род Изиидо понесет невосполнимую утрату.

Плевок льстиво хихикал, подливая собеседнику вина.

Невинная жертва готовящегося нападения, тот самый Мануэль Изиидо, в это время подметал полой плаща булыжники мостовой неподалеку от площади Розы. Юный вертопрах был действительно юн, лет двадцати — двадцати двух на вид. Не очень высок ростом, что, впрочем, несколько скрадывалось высокими каблуками ботфорт, и слегка субтилен, чего ни щеголеватый облегающий колет, ни плащ, который молодой человек по случаю жары широко распахнул, скрыть не могли. Острый нос и подбородок недвусмысленно свидетельствовали о жаркой южной крови молодого человека. Карие, чуть навывкате глаза обрамлялись густейшими ресницами, могущими сделать честь любой записной кокетке. Над полноватой верхней губой залихватски топорщились темные усики. Короче, на пустынной по случаю корриды улочке Нижнего города в этот момент находился кабальеро, приятный во всех отношениях, способный заставить учащенно биться не одно девичье сердечко. Но планы молодого человека были далеки от любовных утех. Хотя ожидал он именно даму, и дама изволила запаздывать. Наконец из темных врат храма Источника показался накрахмаленный чепец, а следом и его обладательница — прехорошенькая горничная.

— Доброго полдня, — звонко произнесла она, поравнявшись с молодым человеком.

— И вам того же, любезная Аннунциата. — Мануэль поклонился, сняв шляпу и потрянув черными кудрями. — Могли я надеяться, что вы поможете мне?

— Непременно, — сверкнула очами кокетка. — Если вы снабдите меня пропуском, я доставлю ваш груз в Верхний город.

— К воротам Квадрилиума, — уточнил молодой человек, передавая в дамскую ладошку тугой свиток пергамента с

продолговатой печатью. — Вам придется побеседовать с ключником и добиться от старика, чтоб он вызвал к воротам донью Лутецию Ягг.

— Незачем повторять, — капризно надулись розовые губки. — Я же не дурочка!

— О, я нисколько не сомневаюсь в вашем светлом уме, моя прелесть, — терпеливо продолжал кабальеро. — Более того, я уверен, что вы единственная среди своих товарок обладаете достаточной обходительностью для того, чтобы сойти за свою в аристократическом обществе университета.

Щечки горничной порозовели от удовольствия. Однако тревожная складочка между тонких бровок разгладиться не спешила. Мануэль не возражал, когда она назвала донью Лутецию его любимой, а это говорило слишком о многом.

— Если ваша ветреница будет на занятиях, что прикажете делать мне? Я отпросилась у хозяина для посещения храма и не думаю, что он поверит, будто я до вечера черпала мудрость Источника.

— Ваша мудрость и без того велика, о роза моего сердца! — Кабальеро на минутку задумался. — К тому же вам действительно придется подождать у ворот. Шансы, что вы застанете на месте донью Ягг, невелики.

Девушка нахмурилась. Мануэль ласково заглянул ей в лицо.

— Ну почему так грустны эти милые глазки? К их блеску подойдет насыщенный цвет рубинов.

Из кошелька молодой человек извлек массивные серьги в виде полумесяцев из тяжелого зеркального перламутра. В центре каждого из них на тоненькой цепочке болтался искусно огранный малиновый камешек.

— Они того же цвета, что и вино, хранящееся в погребах Изиидо. Цвет любви, цвет страсти — ваш цвет.

Аннунциата ахнула. И хотя сомнения в благосостоянии провинциального дворянского рода господина Мануэля неоднократно высказывались и ею и ее подругами в частных беседах, сейчас она готова была поверить, что перед ней элорийский король инкогнито. Она жадно схватила подарок.

— Не нужно меня благодарить. Ваша красота достойна большего, — обольстительно журчал голос кабальеро. — Верьте мне.

И Аннунциата поверила. Мануэль резко свистнул; из-за угла, постукивая копытами по мостовой, показался нагруженный мул.

— Передайте донье Ягг это, — вручил молодой человек поводья ошеломленной девушке. — Я очень надеюсь на вас, моя прелестница.

Зигфрид Кляйнерманн с силой захлопнул оконную створку. В кабинете ректора было, как всегда, невероятно жарко, и раскаленный воздух улицы облегчения не принес.

— Незачем демонстрировать мне свое раздражение, — проворчал мэтр Пеньяте. — Я неоднократно давал тебе понять, что ничем не смогу помочь в сложившейся ситуации.

— Но деньги, учитель?.. Никакого более пошлого предложения для исключения я не припомню.

— А я — более неотвратимого. — Ректор говорил примирительно, почти извиняясь. — Университету нужно на что-то существовать, обучать студентов бесплатно мы не в состоянии.

— А как же стипендии?

— Брось! Год назад ты привез мне девушку, которая обещала стать великой чародейкой. Все этого ожидали. Мы приняли ее с распростертыми объятиями. Ее элорийские родственники не могли найти себе места от радости. И что теперь?

— Лутеция хорошая студентка.

— Да, — кивнул ректор, — но не более того. Все учителя сходятся в одном: она — хорошая студентка. Не отличная, не выдающаяся, а просто хорошая. Этого для стипендии мало, мой мальчик.

Зигфрид присел на стул и потер переносицу. О том, что молодой огневик когда-то носил очки, напоминал теперь только этот рефлекторный жест.

— А клан Терра? Ведь он богат и признал родство.

— После того как девчонка прилюдно плюнула в глаза высородному Филиппе Алехандро? Старика чуть удар не хватил.

Зигфрид невольно улыбнулся. Лутоня так и не смогла простить своему деду смерть родителей, о чем и сообщила ему на торжественном приеме, проходившем в Квадрилиуме в честь начала учебного года. И плевок присовокупила, и па-

ру-тройку слов на рутенском, которые никто, кроме Зигфрида, тогда не понял. Первое время огневик опасался, что клан Терра решит отомстить за дерзость, осторожно расспрашивал Крессенсию о планах батюшки, но, видимо, старик решил замять это дело. Донья Терра о новоявленной родственнице говорить отказывалась, и уже через пару месяцев Зигфрид перестал вздрагивать всякий раз, с первого взгляда не находя в толпе студентов свою подругу.

— Зигфрид, дитя мое, ты же знаешь, я многое сделал для этой девочки. Ради ее достойной бабушки, ради напророченного будущего я внял твоим просьбам снарядить спасательную экспедицию к валашским дикарям, чтобы вытащить ее из-под венца, или в какую неприятность она там ввязалась...

Барон слегка покраснел. Из трех боевых квадр, отправившихся тогда на материк, только одна застала Арадское бракосочетание, остальных он вовремя отослал. И маги, которым довелось присутствовать на торжестве, делиться подробностями церемонии с начальством не спешили. Уж очень все было странно, весело, сыто и пьяно. Особенно пьяно... Лутона женила на себе князя, найдя лазейку в феодальном обычае брака по договору (от лица жениха выступил боярин Михай Димитру), и сняла, таким образом, проклятие, угрожающее ее жизни. И теперь, Зигфрид очень на это надеялся, ничто не связывает его подругу с Драконом. Последний, скорее всего, давно аннулировал брак. С его имперскими устремлениями, желанием овладевать все новыми и новыми территориями о выгодной партии следует задуматься как можно быстрее. Не то чтобы Зигфрид интересовался континентальной политикой, но по доходящим до него слухам аппетита Дракона возрастали соразмерно его власти.

Мэтр Пеньяте поцокал языком, перечитывая некий документ. Ректор полностью утратил интерес к беседе, отдав предпочтение разбору бумаг перед пустопорожней болтовней. Решение принято. Баста! Зигфрид вздохнул. Пожалуй, он сделал все, что мог. Остается последний шанс: все же попытаться уговорить клан Терра. В конце концов, вряд ли благородный Филиппе Алехандро принял всерьез оскорбление какой-то девчонки, да еще нанесенное почти год назад. А то, что барон Зигфрид фон Кляйнерманн с некоторых пор официально помолвлен с очаровательной доньей Крессенсией

дель Терра, наверняка дает ему кое-какие преимущества в общении с главой клана.

Огневик поднялся с места.

— Ты уже уходишь? — удивленно поднял глаза от бумаг ректор. — Задержись на пару минут. Я уже послал за Лутецией и хочу, чтобы ты сам сообщил ей об отчислении.

— Вынужден отказаться от этой чести.

— Барон, вы забываетесь! — В строгом взгляде учителя блеснула сталь, да и переход на «вы» был многозначителен. — Пререкаться с начальством — не лучшая тактика для такого честолюбивого молодого человека, коим вы всегда мне представлялись.

Зигфрид покраснел и приготовился к длинной отповеди. Между делом подумалось, что обычай при посещении кабинета ректора оставлять оружие в приемной имеет под собой веские основания.

— К тому же много времени у нас это не займет, — весело продолжал мэтр. — Мне уже слышится звонкий цокот каблучков вашей, барон, подруги.

Ректор не ошибся. Через мгновение в приоткрытую дверь кабинета просунулась напوماженная голова секретаря.

— Донья Лутеция Ягг, — загадочно сообщил писарь в пространство.

Зигфрид невольно задержал дыхание. На пороге появилась она, обычная студентка Квадрилиума. В черном форменном платье с высоким воротом (у левого плеча приколота серебряная брошь — руна ветра), волосы забраны в строгий пучок на затылке. Как ей только удастся в этом казенном облачении выглядеть более живой и желанной, чем сотни разряженных красавиц там, за стенами университета? Огневик этого не знал.

— Вы желали видеть меня, ректор? — присела она в легком поклоне, едва заметно подмигнув Зигфриду. — Я сама хотела записаться на аудиенцию, чтоб обсудить с вами некий щекотливый вопрос.

— Да, дитя мое. — Пеньяте был сама любезность. — Как только ваш милый опекун и учитель фон Кляйнерманн сообщит вам некую новость, мы сразу же приступим к обсуждению вашей просьбы. Барон, начинайте.

— Мне очень жаль, но...

Зигфрид смешался, подбирая слова.

— Позвольте мне все же сказать первой, — несмело взглянула на ректора Лутеция.

Мэтр благодушно кивнул. Кажется, его невероятно забавляла ситуация столкнуть лбами двух лучших друзей.

Лутоня дождалась разрешения и выглянула за дверь:

— Заносите!

Секретарь снова оказался на пороге. Теперь плечи крючкотвора отягощали два увесистых мешка.

— Сюда! — скомандовала студентка, приблизилась к столу и сдвинула в сторону какие-то бумаги. Мешки оказались на указанном месте, секретарь суетливо поклонился и исчез из кабинета.

— Это плата за обучение, — пояснила Лутеция. — Я решила заплатить сразу всю сумму вперед, чтоб не тревожить вас впредь, досточтимый мэтр, этими мелочами.

— Вся? Вся сумма? — ошеломленно переспросил мэтр.

Любовь ректора к презренному металлу была известна далеко за пределами университета и уже не раз служила предметом саркастических шуток и забавных анекдотов. Лутеция пожала плечами. Хлопнула оконная створка, которую он — Зигфрид мог в том поклясться — запер пару минут назад. Ветер донес возбужденный гул корриды. Ножка стола с хрустом подломилась, мешки съехали точно на колени ректору.

— Можете быть свободны, донья Ягг, — придушенно пискнул ректор.

— А как же новость, которую собирался сообщить мне барон? — Помочь начальству Лутоня не спешила, впрочем, как и сдерживающий хохот Кляйнерманн.

— Пустое, дитя, пустое. — Мэтр Пеньяте демонстрировал недюжинную силу в попытках выпростать из-под стола хотя бы одну руку. — Учитесь, дитя мое, с прилежанием. Ваша стихия требует от своих адептов полной самоотдачи.

— Благодарю вас, учитель, — присела в поклоне ветреница.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — решил барон, галантно открывая даме дверь.

— Ступайте, дети мои, — торжественно произнес ректор.

— Думаешь, почтенному старцу не терпится приступить к пересчету свалившихся на него сокровищ? — шепотом спросила Лутоня уже в приемной. — С полной самоотдачей!

Носик проказницы забавно сморщился, когда она передрознивала гнусавый выговор мэтра.

— Где ты достала деньги? — не поддержал шутливого тона барон.

— Где достала, там уже нет, — отмахнулась девушка и подозвала секретаря.

Зигфрид терпеливо ждал, пока она цветистыми фразами и звонкими монетками благодарила крючоктворца за оказанную услугу.

— Я хочу знать, — повторил он уже в коридоре свой вопрос. — Неужели твой супруг появился и соизволил профинансировать твоё обучение?

— Не твоё дело! — Карие глаза гневно блеснули. — Прощай, мне пора на занятия.

Лутеция стремительно пошла вперед. Барону показалось, что ее худенькие плечи вздрагивают от рыданий.

— Кстати, — вдруг резко обернулась она с шаловливой улыбкой, и неожиданный порыв прохладного ветра пронёсся по коридору, — у тебя сегодня назначено свидание? Наверняка назначено, тебя же хлебом не корми, дай «поприпадать» да «засвидетельствовать». Тогда не забудь передать привет моей тетушке.

Зигфрид хмыкнул. Его восхитительная невеста, донья Крессенсия дель Терра, вряд ли обрадуется такому привету.

И наконец, последняя встреча, имеющая непосредственное отношение к нашей истории, происходила... А впрочем, ни место, ни время этой судьбоносной встречи широкому кругу лиц известно не было. Ибо тайная курия... Тсс... Одно известно доподлинно: Кордоба построена в скалах, скалы нависают над морем, а там, где земля соседствует с водой, ширятся сплетни, слухи и подземные ходы в равных, так сказать, пропорциях. В темной-претемной зале, в неровном свете чадающих светильников, ибо магический огонь на такие собрания не допускался, за круглым дубовым столом восседали гранды стихийных домов. Все они были убелены сединами и почтенны, похожи друг на друга так, как могут быть похожи только очень старые люди. У каждого на груди мерцала подвеска, символизирующая как стихию, так и высокий статус носителя. Фуэго, Акватико, Терра, Виенто —

огонь, вода, земля, ветер. Замкнутая квадра — главная четверка королевства. Больше в зале никого не было, даже приближенных слуг, которые, подготовив все к заседанию, молча удалились ожидать окончания действия в коридоре. Не было даже стражников, коих грандам пришлось оставить там же, за плотной двустворчатой дверью. Ибо курия... Тсс...

— Ну и по какому поводу мы сегодня собрались здесь? — наконец нарушил тишину дон Акватико. — Слишком частые сборища начинают меня утомлять.

— О да, — саркастически изогнул тонкие губы дон Фуэго. — С прошлой весны... Слишком часто.

Огневик разменял недавно восьмой десяток, ему, как самому молодому из собравшихся, часто прощали мальчишескую резкость. Дон Виенто даже позволил себе улыбнуться забавной шутке.

— Ветер шепнул мне, что инициатором в этот раз выступит дом огня. Какие же важные события требуют немедленного обсуждения?

— Как всем нам прекрасно известно, время Источника истекает.

— Это очевидно, — кивнул дон Акватико. — Ослабление потоков силы, активность Кордобского провала (местные жители жалуются на потусторонний вой по ночам). Но мы, кажется, не раз это обговаривали, и все четыре дома готовы к пробуждению нового Источника. Не так ли, дон Виенто?

Гранд ветра пожевал тонкими бескровными губами.

— Да-да, новый Источник носит имя «Мать четырех ветров» и должен прийти на смену «Владычице вод», которая дарит нам магию сегодня. По древней традиции, песнь призыва должен исполнить адепт силы...

— Именно личность адепта меня интересует сейчас более всего, — перебил нетерпеливый дон Фуэго. — Дом огня хочет предложить свою кандидатуру.

— Это невозможно, — почти прошептал гранд ветра. — Традиция нерушима. Во-первых, это будет женщина, во-вторых — ветреница.

— Конечно! — саркастически искривил полные губы огневик. — Донья Лутеция Ягг, студентка Квадрилиума, наследница дома земли, при этом избранная силой ветра. А дому

Фуэго придется ждать своей очереди еще шестьсот лет, не так ли?

— Именно столько, — пробормотал дон Виенто. — Ибо за водой следует ветер, за ветром земля, за землей — огонь. Так было и так будет.

— Вы понимаете, что это похоже на альянс, господа? Всем известно, что дом, которому принадлежит адепт, получает немалые преимущества в ведении внутренней политики королевства. А донья Ягг, или дель Терра, как ее правильнее было бы называть, близка к двум стихийным домам.

— К трем, мой дорогой друг, — уточнил дон Акватико. — Хотел вам раньше рассказать, да все никак к слову не приходилось. Юная Лутеция в ближайшее время войдет в дом воды.

— В каком качестве?

— В качестве супруги моего сына, дона Альфонсо. — Тигринные глаза гранда воды прищурились от удовольствия. — В качестве моей невестки. У вас еще какие-нибудь вопросы, любезный дон Фуэго?

Это был решающий удар. Гранд огня смутился, но все же ответил:

— Что ж, господа, в таком случае я снимаю с себя всякую ответственность за происходящее. Дом Фуэго будет присутствовать на обряде пробуждения Источника всего лишь в качестве зрителя. Фамильный артефакт мы передадим его величеству, как и предписывает традиция.

Гранд огня хлопнул в ладоши; воцарилась тьма, а когда пламя светильников вспыхнуло вновь, тайная курия осталась втроем.

— Нелепая бравада, — пожал плечами дон Акватико. — Стоило отрываться от дел, чтобы лицезреть представление Фуэго!

— Он всегда подозревал альянсы, тайно существующие за его спиной, — ответил дон Виенто. — Ему так верилось в заговоры, что, наконец... Что скажете, дон дель Терра?

Гранд земли ничего не ответил.

Мэтр Пеньяте предавался полуденной сиесте, выстраивая на письменном столе пирамиды из дублонов, когда пламя в его камине за клубилось, вспыхнуло нестерпимым фиолето-

вым цветом и на ковер кабинета ступил сиятельный дон Фуэго. Седина на висках гранда таинственным образом исчезла, сменившись глянцевою чернотой, а морщины, придававшие его холеному лицу вид умудренной усталости, разгладились.

— Какое счастье! — пробормотал ректор, пытаясь прикрыть золотые россыпи полами плаща. — Огромное счастье доставили вы мне своим неожиданным визитом, герцог!

— К демонам реверансы! — отмахнулся гранд огня. — Вы избавились от девчонки? Она уже убралась из Кордобы?

— К сожалению, понимаете ли... Обстоятельства сложились таким образом...

— Ты очень пожалеешь об этом, — прошипел герцог. — Знаешь, чего мне стоило пристроить тебя на это тепленькое местечко? Знаешь, сколько более достойных претендентов было на него? Пеньяте, ты мне по гроб жизни обязан!

— Я предан вам, ваше сиятельство!

— Я просил тебя о такой мелочи! Под благовидным предлогом спровадить из столицы донью Лутецию Ягг. А вместо этого...

Раздраженный гранд огня протянул руку к камину. Оттуда в его ладонь скользнул пульсирующий шар огня.

— Ты позволил себя подкупить?

— Я все исправлю, ваше сиятельство. Удалю, изгоню, уничтожу...

Фуэго сжал руку в кулак, на пол полилась огненная струйка.

— В противном случае тебе не поздоровится!

И гранд огня исчез так же внезапно, как и появился, оставив после себя подпалины на дорогом ворсистом ковре.

ГЛАВА 1,
в которой происходит беседа с наставницей,
поверяются сердечные тайны и прочие девичьи глупости

Даже самая прекрасная девушка Франции
может дать только то, что у нее есть.

Французская пословица

Чему не гореть, того не зажечь.

Русская пословица

Лет четыреста тому назад один грецкий колдун по имени Стагирит написал трактат о душе человеческой. И высказал он в том труде любопытную мысль, что движут нами инстинкты, со зверями нас роднящие. Желание продолжения рода, страх смерти, жажда власти — вот три пастуха, которые заставляют нас сбиваться в стаи и бороться за место под солнцем с такими же... людьми.

О чем это я? Да о магах же! Не любим мы друг друга, не любим и не доверяем. Хотя, казалось, в одной лодке плывем и негоже ее раскачивать. Ан нет! Инстинктус, ёжкин кот! Добей соперника, потому что всех много, а всего — мало, самому не хватит. А ежели не хватит, то оголодаю, отощаю и помру. И милого дружка хочу самого-самого, а лучше двух... нет, сколько получится, поэтому соперницу изведу-изничтожу. И управлять хочу всеми, самым могучим магом стать, потому как основная власть в руках магов и сосредоточена.

Звери мы, как есть звери.

Вот такие вот невеселые мысли, не иначе вызванные запоздалой жадностью, занимали меня, пока я осторожно, стараясь не шуметь, пробиралась в свою комнату. Видеть никого не хотелось, разговоры разговаривать тем более. Зачем, за-

чем я ему сразу все деньги отдала? Надо было потянуть, а до времени остаток суммы под проценты в доходное дело вложить. Эх, бестолковка ты, Лутоня, задним умом крепкая. А все почему? Гонор в тебе взыграл, впечатление произвести захотелось, жадного ректора на место поставить? Ну, так радуйся — все исполнила!

До жилого крыла добраться удалось без приключений, теперь следовало проявить осторожность. Обитую золотистыми листочками дверь я миновала вообще чуть не ползком. Потому что благородная мэтресса, за ней обитающая, гостей не жаловала и сторожевые сети раскидывала широко. Эмелина, соседка моя по комнате, помнится, пару седмиц тому чуть всех волос на голове не лишилась, когда прибежала сюда, переполненная праведным гневом. Такая же, переполненная, и удалилась — только скрючившись и в два раза быстрее.

Соленый морской ветер пронесся по коридору. Я замерла.

— Лутеция? — звякнули золотые листочки. — В гости зайдешь?

Все-таки сработали заклинания. Бланка стояла на пороге, гостеприимно распахнув дверь. Темно-синий шелковый халат и распущенные волосы недвусмысленно свидетельствовали о том, что хозяйка до моего прихода отдыхала.

— Если пригласите, — со вздохом ответила я.

Бланке дель Соль я отказать не могла — мэтресса являлась моей университетской наставницей, ну и ко всему должок у меня перед ней был. Год назад (а кажется, что целую вечность) Бланка спасла мою непутевую жизнь, призвав ветер и не дав мне разбиться вдребезги о мраморные плиты Арадского замка.

— Приглашаю.

Комната мэтрессы от наших студенческих келий мало чем отличалась. Разве что рассчитана она была на одну постоялицу, а нам-то по двое приходится ютиться. Ну и побогаче обстановка, конечно. Парчовый балдахин над кроватью, зеркало вполстены и предмет моей зависти — гроздь тоненьких серебряных трубочек на потолочной балке. Ветряные колокольчики называются. Дзинь-дзинь, дин-дон... Себе такие же хочу. Но их вроде только за особые заслуги пользоваться разрешают. Интересно, а деньжищи, которые я сегодня на благо

родного заведения отвалила, за особую заслугу считаются? А то мне от собственной щедрости никакого удовольствия.

— Выпьешь? — Бланка заправила за ухо прядку иссиня-черных волос и кивнула, указывая на стол.

— Рановато вроде, — неуверенно ответила я. Вино у мэтрессы всегда было отличное, не чета кислой водичке, которую наливают студентам по праздничным дням. — Да и на учебу мне пора.

Ветреница рассмеялась:

— Если спросят, скажешь, о будущем своем со мной беседовала, как со старшим товарищем. Так что, наливать?

— Нет, спасибо. — Я присела за стол. — О чем вы на самом деле хотели со мной поговорить?

Хозяйка запахнула халат, устроилась напротив меня, спиной к зеркалу, и щедро плеснула из бутылки в свой бокал.

— Ну разумеется, о будущем. Грязнить здешний воздух нелепой ложью было бы недопустимо.

Блестящие черные глаза серьезно уставились на меня. Я отвела взгляд. Отражение в зеркале было бледным и встревоженным. Испуганная мышка, особенно в сравнении с яркой уверенной Бланкой.

— Судя по донесениям из восточной провинции, торговый путь перестал представлять опасность для путешественников, — заговорила Бланка, раскрывая большой шелковый веер.

— Слышала, разбойники, которые там промышляли, пропали все в одночасье, — поддержала я светскую беседу. — Сбежали, видимо, куда-то. А атамана разбойничьего альгвасилы арестовали. Слухи такие ходят...

Я теребила локон у виска, подумывая все-таки угоститься вином. Ряженки-то у почтенной мэтрессы, скорее всего, нет.

— Мужчины часто говорят тебе, что ты красивая? — Вопрос прозвучал неожиданно.

— Не часто, — правдиво ответила я. — Мне мужчины вообще что-то редко говорят. Я, можно сказать, последние шесть лун — ах, простите, месяцев — от мужчин ничего, кроме «дай списать», не слышала. Или вы не о студентах спрашиваете?

Хозяйка комнаты заразительно рассмеялась:

— Не скромничай, дитя мое! Мне одна маленькая птичка

начирикала, что у тебя связь с неким молодым человеком из Нижнего города.

— А что, правилами нашего учебного заведения это запрещено? — вздернула я подбородок. Птичка, ага. У меня похожая есть — ветер называется. Таких гадостей иногда начирикает, только держись.

— Нет, что ты! Скорее приветствуется. Ведь жар страсти часто соседствует с вихрем магии. Просто я удивлена, что твои родственники не препятствуют вашему общению.

Я мысленно сосчитала до десяти, вдохнула, выдохнула...

— Мэтресса дель Соль, могу я попросить вас не поминать моих родственников всуе? А если вы имеете в виду кого-нибудь из клана Терра, к примеру, дона Филиппе Алехандро...

Если бы она не остановила меня, пара-тройка крепких словечек подпортили бы воздух Квадрилиума.

— Прекрати! Маленькая кривляка! С чего ты решила, что можешь оскорблять почтенного старца? Ты связана с доном дель Терра узами крови и будь добра проявлять уважение!

Я слегка покраснела и не на шутку обиделась. Если бы не обязательства перед наставницей, я бы ей объяснила, что в советах подобного рода не нуждаюсь.

— Теперь поговорим о ближайшем будущем, — насладившись моим безмолвным возмущением, продолжала наставница. — С тобой хочет поговорить один человек. Почему-то именно с тобой. Постарайся сегодня в первый час тьмы незаметно выбраться из здания. Наш покровитель ждет результатов.

— Мне очень жаль, но на сегодняшний вечер у меня другие планы.

— Ах, я забыла... Завтра экзамен? Позволь мне не верить, что ты собираешься корпеть над фолиантами.

Я закусил губу. Всем и так ясно, что для виду ломаюсь. А сама не то что пойду, вприпрыжку побегу поручение выполнять. И визнаю все, что требуется, и отчет подробный составлю. Права была бабуля: беда с девкой, то есть со мной.

— Мне будет позволено удалиться?

Я встала со стула, не дожидаясь разрешения, и устремилась к выходу.

— А если я пообещаю тебе рассказать нечто о том, что тебя интересует?

— Я лучше сама как-нибудь в книжках умных ответы найду, — ответила я через плечо.

— И много там написано о том, чем мы с тобой вот уже целый год тайно занимаемся? Неужели не хочешь досконально в этом разобраться?

Я замерла. Видя мою заинтересованность, Бланка продолжала:

— Не знаю, что тебе пообещали за содействие, но существуют люди, которые могут предложить больше.

— А вам? — неуверенно спросила я, устремив взгляд на ветряные колокольцы, четыре серебряные трубочки — дзинь-дон... — Клан Виенто, дом ветра сейчас в упадке. Я слышала, вы состоите в ближнем круге, то есть являетесь прямой наследницей гранда.

Бланка хитро улыбнулась и отпила из бокала.

— Откровенность за откровенность, ты мне — я тебе. Что тебе было обещано?

Я пожала плечами и рассказала.

Бланка смеялась, наверное, минуты три. Она схватила с туалетного столика веер, чтоб остудить пылающие щеки.

— Смешная, смешная девчонка! Интересно, из какого источника ты черпаешь свои оригинальные идеи?

Я обиделась и покраснела. Веера у меня при себе не было. Поэтому я просто щелкнула пальцами, призывая ветер. Стало чуть прохладнее, колокольцы беспокойно забренчали.

— Ваша очередь, донья, поведать о своем интересе.

— Если все произойдет так, как было задумано, следующей главой дома ветра станет женщина.

Я хмыкнула.

— И я даже догадываюсь какая. А вот сам дон Виенто не против, что его какая-то загадочная женщина подсиживает?

— Хочешь его об этом спросить? — Наставница отбросила веер и опять взяла бокал.

— Нет, — покачала я головой, припомнив пергаментную тонкую кожу гранда ветра, его подернутые бельмами глаза. Дон Виенто застал еще пробуждение теперешнего Источника, и прошедшие с того времени триста лет для гранда даром не прошли.

— И все же...

— На сегодня достаточно откровений. Твоя роль в этом деле не настолько велика, чтоб обсуждать с тобой стратегию.

Я обиженно засопела; такого щелчка по носу от Бланки дель Соль я не ожидала.

— Ступай! — велела наставница. — Исполни своё мелкое задание. Вечером у врат тебя будут ждать. Человек с зеленым фонарем. Не перепутаешь?

— На это мне хватит ума, — вежливо поклонилась я. — Прощайте.

— Впрочем, — проговорила ветреница, будто про себя, — если смешная рутенская девчонка дойдет до всего сама, я вполне смогу ей все рассказать.

Я осторожно закрыла дверь, прислушалась, оглянулась — и припустила по коридору. Бежала так, что пятки сверкали, уже нисколько не заботясь о том, чтоб остаться незамеченной. Времени у меня было немного. В комнату свою ворвалась, уже порядком запыхавшись. Быстро убедилась, что соседки моей нет, заперла дверь изнутри и скинула кисейную занавесь с настенного зеркала.

— Могла и не торопиться, — кивнула Иравари из зазеркалья. — Мэтресса твоя сидит тихо, винишко глушит в гордом одиночестве.

— Слыхала, как она меня отбрила?

— А ты еще не привыкла, что ли? Элорийцы все высокомерные, особенно по отношению к вам, пришлым.

— Как думаешь, что она имела в виду? Ну, про смену герцога ветра?

— Да какая нам-то разница? — строго спросила Иравари. — Это их интересы, интересы четырех домов — кто там чем владеет и по какому праву. А наше дело маленькое. Вечером задание исполнишь, награду получишь — и сразу на боковую. А то ты бледненькая у меня что-то.

— Хорошо! — Я без сил опустилась в кресло. — Последи за Бланкой до вечера, ладно? Что-то на сердце неспокойно.

— Чего так? — хохотнула демоница волшебного блюдечка. — Из-за Мануэлюшки? Бланка-то уже про твои связи неподобающие разузнала?

— Мы связь эту особо не скрывали, — махнула я рукой. — Только вопрос времени был, когда о существовании кабальеро все узнают. Стратеги, ёжкин кот!

Все-таки обида на Бланку никуда не делась.

— И ладно, — согласилась Ирвари. — Тем более юный ка-
бальеро нам для денег только нужен и был. Ректор-то твоей
как? Проникся суммой? Я в кабинете появляться не реши-
лась. Мало ли какую защиту там на зеркала поставили.

— А то, — фыркнула я. — Чуть сознания не лишился.
Жаль, ты не видела. Глаза чуть не выпали у нашего мэтра Пе-
ньяте. Даже Зигфриду смешно было. А господина Изиидо со
счетов списывать не торопись. Он нам еще пригодится.

— Кокетка ты! — хихикнула Ирвари.

— Еще какая, — не возражала я. — Слушай, я устала про-
сто зверски. Можно я спать лягу, а ты мне вслух считаешь?
Там немного, страниц двадцать всего...

— Наша новая методика подготовки к экзаменам? — Ир-
вари уже нацепила на нос очки и пробегала глазами невиди-
мые мне строчки. — А нормально учиться мы так и не нач-
нем?

Я устало опустилась на кровать, одновременно распуская
шнуровку платья.

— Что ж поделать, если мне скучно? Когда мечтала, как
здесь окажусь, да как вселенские тайны распутывать буду,
все здорово было. А оказалось...

— Ладно, ладно, не оправдывайся. Все понимаю. Тем бо-
лее разбитое сердечко...

— Изгонию, — пригрозила я. — Из всех зеркал повытряхи-
ваю. Я же могу, ты знаешь.

— Знаю, знаю, — примирительно бормотала Ирвари. —
Ложись уже, неугомонная.

Я поправила подушку и зевнула.

— Спасибо тебе.

— Магическая война на сломе тысячелетий, — монотонно
начала читать демоница, — заставившая магов всех четырех
стихий объединиться и изолировать Элорию от влияния
внешнего мира...

Я уснула почти сразу.

Больше всего во сне я любила переноситься сюда — на
желтоватую циновку под навесом. Чтоб просто сидеть, под-
тянув колени к подбородку, любоваться размытым, будто ак-
варельным пейзажем, легким туманом над поверхностью

пруда. И ждать, бесконечно ждать, когда появится тот, кого я здесь когда-то оставила. Ветер покачивал кусты осоки.

— Ш-ш-ш... Ты же любишь его... Любишь и ждешь... С детства, с самой первой встречи. Только его.

Я вытерла рукавом мокрые щеки и кивнула.

— Так скажи ему-у-у...

— Что-то он не стремится со мной разговаривать.

— Откуда ты знаешь? Может, он тоже ждет, может, спугнуть боится? Позови его, сделай первый шаг. Ну!

— Влад, — шепотом сказала я, — услышь меня, пожалуйста.

— Вот и славно, — ответил ветер, — вот и хорошо... В вопросах передачи информации...

Я рывком вынырнула из сна и вскочила с кровати. Иравари в зеркале испуганно заметалась.

— Так вот, значит, чему ты меня во сне учить вздумала! — Я подбежала к зеркалу и саданула по нему со всей мочи. — Вместо того чтобы с учебой помочь, в душу мне лезешь?

Демоница, видимо решив, что нападение — лучшая защита, заорала в ответ:

— Потому что в нормальном состоянии ты со мной ничего обсуждать не хочешь! А я тебе добра желаю!

— Не хочу я твоего добра, я покоя хочу!

— Дракона ты своего хочешь! Себе хоть не ври! Университет ей не мил, родственники элорийские не по нраву. Как собака цепная на всех бросаешься. Поэтому на честном слове от учителя к учителю и кочуешь, поэтому и не даются тебе науки.

— Изгоню! — взвизгнула я. — Видеть тебя больше не желаю!

— Только попробуй! — скрестила руки на груди Иравари. — Я тогда твоей бабушке пожалуюсь. Вот потеха будет, когда Яга примчится тебе мозги вправлять.

Я замолчала. Кого-кого, а бабули я боялась. Не посмотрит моя родственница, что я уже взрослая, без пяти минут мэтресса и пять минут как мужняя жена (пусть и понарошку), сразу начнет розги в рассоле вымачивать, еще в дороге. А уж как воочию объявится... За этот год я общалась с бабушкой всего несколько раз, с помощью зеркал. После того как мы с Иравари придумали способ учиться во сне, мои сновидения под завязку стали забиты формулами, датами и рецептами

зелий, так что ни на что другое времени не оставалось. Да оно было и к лучшему, лгать или недоговаривать в полудреме получается не особо.

Я пнула табурет и разревелась.

— Ты бы обулась, прежде чем ногами махать, — ядовито пошутила демоница. — Ну не плачь, слезами горю не поможешь. Тебе еще с незнакомцем встреча сегодня предстоит. Что, вот такая зареванная и пойдешь?

— Думаешь, кого-то моя внешность интересует? — шмыгнула я носом.

— Еще как. — Иравари уже поостыла и, видимо, решила не продолжать скандала. — Я с утра по всем университетским зеркалам прошвырнулась. Много интересных бесед подслушала.

Я потянулась к умывальному кувшину, раздумывая, чего мне больше хочется — хлебнуть из него или в лицо водицей плеснуть.

— Красавчика Игоря помнишь?

Я отрицательно качнула головой и стала умываться.

— Как можно однокашников своих по именам не знать? — сокрушалась демоница. — Рыжий такой, с зелеными гляделками, букет тебе на той седмице подносил.

Я перевела взгляд на прикроватный столик, где в вазе печально увядала драконья дюжина пепельных роз.

— Начинаю припоминать. Игорь, говоришь, зовут? Странно. Мне казалось, он из Галлии, а имя какое-то совсем не галлийское.

— Он романин, — усмехнулась Иравари. — Что, сердечко не дрогнуло? Все, все, не буду подшучивать. Слушай! Игорь этот сегодня парням хвастался, что ему выпало с тобой инициацию проводить.

Я покраснела.

— Он же ветреник, как и я, наши медички не рекомендуют... ну, чтоб одной стихии...

Ёжкин кот! Ну чего это я не повзрослею никак! Почему до сих пор подобные разговоры вгоняют меня в краску? Тем более что для магов эти самые дела естественны, на манер еды, питья или сна. Что там Бланка говорила — «огонь страсти питает пламя магии».

— Короче, врет он, вот! — твердо встретила я взгляд своей подруги. — Как сивый мерин.

— И эпистолу с печатью этот мерин копытом начертал?

Я фыркнула:

— Ну, значит — совет им да любовь, с эпистолой этой. Глупости какие! Даже думать об этом не буду! Игорь еще какой-то...

— Как знаешь, — подмигнула мне демоница. — Новости про Влада интересуют?

— Ты его видела?

В Арад мы с Иравари пробиться не могли, как ни старались. Все замковые зеркала были заперты и зияли чернотой. До меня доходили слухи, что у Дарины с Михаем все в порядке, как и у крошечной Ленуты, появившейся на свет погожим осенним днем. Про Дракона тоже много чего говорили. И про то, что поднял черные знамена над Шегешваром, за две луны захватив цитадель, и про то, что ведет переговоры с Лузитанским кронпринцем, требуя выдать ему мачеху, и про то, что отбил нападение Урхана у восточных рубежей своих владений. Мой несостоявшийся муж занимался своими важными делами, а я...

— Не совсем я и не совсем видела. Короче, я лучше покажу.

Зеркало подернулось рябью, поверхность искрила, разбрасывая во все стороны разноцветные солнечные зайчики. Я, затаив дыхание, ждала, что вот-вот мельтешение закончится и я увижу самые синие в мире глаза. Раздались равномерные щелчки, фыркание лошади, раздраженный возглас всадника, мне удалось рассмотреть край серебристого шитья...

— Все! — горделиво сообщила Иравари, появляясь в зеркале. — Ну как тебе?

— Никак, — тряхнула я головой. — Что это было?

— Бусины это были, они, родимые. Помнишь, тебе в храме Трехликого ими косы украшали?

— И что? — Я помнила, но картинка понятней от этого не становилась.

— А то, что некто их все до единой собрал и теперь при себе носит. Ты можешь меня спросить, почему я раньше через них ничего рассмотреть не могла. И я тебе отвечу: они ле-

ждали где-то в темном месте — в сундуке или шкатулке. А теперь их этот некто на свет извлек.

— А почему ты решила, что именно Влад?

— Лутоня, — грустно проговорила Иравари, — я прекрасно помню, с какой прической ты отправилась на свою последнюю встречу с Драконом и с какой вернулась. И если ты дашь себе труд самой подумать...

Я кивнула:

— Ну да. Он мне сам говорил, что место тайное, что никто, кроме него, там не бывает.

«Иди сюда, птица-синица. Я на твои косицы уже смотреть не могу...» — будто наяву послышалось мне. И его сильные пальцы в моих волосах, и цокот хрустальных бусин о дощатый настил...

— Чего ты притихла? — окликнула меня демоница. — Радуюсь или грустишь?

— Нечему радоваться, — пожала я плечами. — Ну, увижу я Влада, прощения у него попрошу. И за то, что без одежды неизвестно где оставила, и за то, что женила на себе без его ведома...

— Он тебя молниеносно простит, обнимет, поцелует, и будете вы жить долго и счастливо, — умильно закончила за меня Иравари.

— Зато я его не прощу, — вздернула я подбородок. — Своей вины не отрицаю, но и его до самой смерти помнить буду.

— Эк в тебе гордость элорийская бурлит, — покачала головой демоница. — И года не прошло, как из полевого цветка эдакая донья Терра получилась.

Я закусила губу, намереваясь поставить на место нахалку. Иравари же будто к чему-то прислушивалась.

— Твоя соседка с занятий возвращается. Прощай, после договорим. Без меня на встречу с таинственным незнакомцем не иди, вызова твоего ожидать буду.

Я набросила на зеркало кисейную занавесь, отперла входную дверь и завалилась на кровать.

Эмелина явилась в шлейфе густого цветочного аромата. Темный шелк платья оттеняли кружевной чепец и стихийная руна, приколотая в виде броши у самого ворота. Моя со-

седка, как и я, была ветреницей и так же, как и я, звезд с неба не хватала.

— Ты уже здесь? — звонко спросила она, осторожно оглябая зеркало. — Невероятно!

В ответ я пробурчала нечто невразумительное и отвернулась к стене. Мое демонстративное нежелание общаться принято во внимание не было.

— Я пока сюда шла, много интересного узнала. Хочешь, расскажу?

Я медленно считала про себя с закрытыми глазами.

— Во-первых, я видела Игоря, и он...

— Ложь! — не выдержала я и села на кровати. — Что бы он там тебе ни поведал, все это измышления.

Эмелина сняла чепец и тряхнула рыжеватыми волосами.

— Вынуждена тебя разочаровать, моя дорогая подруга, но то, что я узнала от этого достойного во всех отношениях юноши, слишком похоже на правду. Он как раз держал путь из кабинета нашего ректора. Так что я узнала новость первой.

— Давай уж, не томи, — недовольно пробурчала я, разыскивая на полу свои туфли.

— Тебя не допускают к завтрашнему экзамену! — триумфально провозгласила она.

Интересно, чем я ей насолить успела, что она меня так ненавидит? Вроде нормально жили, без скандалов и склок.

— Причина? — Мои губы дрожали, и я закусила их, чтобы не заплакать.

— Причина, моя дорогая, в твоей несостоявшейся инициации. Один из элементов завтрашнего экзамена должен будет потребовать от адептов стихий всех сил, а ты на это пока, увы, не способна, — ядовито продолжала девушка. — Но Игорь, я уверена, поможет тебе справиться с этой бедой.

Я мотнула головой:

— Глупости! Помню, год назад тебе запретили проходить инициацию с ветреником, а доводом послужило то, что вас призвала одна и та же стихия...

Ёжкин кот! Я неожиданно прозрела. Вот она, причина ее нелюбви! Игорь этот, дракон его задери! Они же дружили первое время. Эмелина два дня тогда в подушку проревела. Потом смирилась и, если я ничего не путаю, перенесла свою нежную страсть на некоего огневика.

— Так для особых магов и правила особые, — съязвила соседка. — У вас, аристократов, свои обычаи. Не правда ли, донья Терра?

А вот это она зря. У меня даже подушечки пальцев закололо от едва сдерживаемой злости.

— Ну, раз ты так говоришь, — пожалала я плечами, — тогда пусть будет Игорь. Какая, в сущности, разница, кто поможет увеличить мой магический потенциал?

— Наверное, твой дедушка заплатит ему немалые деньги за помощь?

Эмелина в стремлении меня уязвить выглядела откровенно жалкой.

— Фи! — закатила я глаза в притворном возмущении. — Недостойно сводить беседу о великих таинствах инициации к меркантильным сплетням. Стыдитесь, донья Гутьеррес!

А про себя подумала, что со старого хрыча станет мне жизнь подпортить. А не отыскать ли мне этого рыжего романина да выяснить, какого лешего он задумал, по чьему наущению? И ежели за мзду какую, пусть делится, супостат. Эх, жаль, времени нет.

Я схватила с кровати свою мантилью и направилась к двери.

— Куда? — всхлипнула соседка.

— К экзамену завтрашнему готовиться, твое общество, знаешь ли, наукам не способствует.

И, оставив Эмелину в тягостных раздумьях о формах моей подготовки, я пошла в библиотеку.

По дороге обдумывая произошедший разговор, я успела проникнуться сочувствием к своей соседке и решить, что все-таки я не мешок денег, чтобы всем нравиться, и, если я не хочу никого никогда обидеть, мне лучше в подвале запереться и носа наружу не казать. Мантилью на голове я закрепила не глядя, просто воткнула гребень в прическу, поближе к затылку, и расправила на плечах тонкое кружево.

В библиотеке никого не было. Впрочем, как я и предполагала. Университетская читальня, несмотря на свой высокий статус, богатством книг не отличалась. То есть не так — книг было много; их золоченые и посеребренные корешки весело подмигивали с полок, но, по сути, добрую половину из них составляли куртуазные романы авторства нашего августей-

шого величества Карлоса Первого. Я как-то из интереса взяла парочку полистать на сон грядущий. Но на первом же пассажe неприлично заржала и захлопнула труд, чтоб не загреметь в кутузку за неуважение к августейшей особе. Потому что элорийский повелитель... как бы это помягче выразиться... Ну, я бы чтение его трактатов ввела в перечень наказаний для душегубцев, сразу после дыбы, но перед сожжением. Думаю, после эдаких нововведений преступность в славной Элории немедленно сошла бы на нет.

У меня при себе был крошечный шарик магического огонька — подарок Зигфрида, но активировать его я не спешила. Тайное дело было не для чужих глаз. Пахло пылью и немного мышами. Высоко над головой, у косых потолочных сводов, клубились тени, о происхождении которых задумываться не хотелось.

Осторожно прикрыв за собой дверь и пару раз моргнув, чтобы привыкнуть к темноте, я юркнула за стеллажи. Поворот, другой, третий. Слева посветлело, значит, я пробралась к окошку. Но этот выход был не для меня. Слишком он очевидный, а оттого слишком охраняемый. Я выглянула наружу. Россыпь крупных звезд переливалась в ночном небе. На привратной башенке угадывался силуэт стражника. Я отвернулась от окна, отсчитала двадцать шагов, опустилась на корточки и нащупала на полу дверцу потайного лаза. Здание Квадрилиума за свою многовековую историю пережило не один штурм, так что разных потайных штукovin здесь было в избытке. О некоторых строгое университетское начальство было осведомлено, но о многих оно даже не догадывалось. Этот ход был мой, личный, отысканный умелицей Иравари методом сравнения десятка разных планов.

Я набрала в грудь побольше воздуха и юркнула вниз. Скатилась по гладкой доске на целый этаж, потом спустилась по узенькой винтовой лестнице. Глаза начало пощипывать от запаха нечистот. Сточная труба пролежала поблизости. Я зажала рот и нос ладонью и припустила изо всех сил.

На поверхность я выбралась уже за пределами университета. Отряхнула подол платья, поправила волосы и чинно отправилась на условленную встречу, подходя к воротам с внешней стороны. На привратном пятачке клубилась тьма, да такая, что даже мое ночное зрение пасовало. Видимо, не-

кто, не желающий быть замеченным, активировал заклиная невидимости. Я застыла, не желая идти в эту чернильную темноту.

— Донья Лутеция? — неуверенно спросил приятный баритон.

Я утвердительно чихнула. В двух шагах от меня разгорался желтоватый огонек потайного фонаря.

— Я должен завязать вам глаза, — с опаской приблизился ко мне невысокий господин в широкополой шляпе. — И пообещайте, что вы не будете считать повороты или пытаться снять повязку.

Я пожалала плечами. Неужели этот мужичок думает, что, если я захочу узнать, куда он меня ведет, обещание меня остановит?

— Вы боитесь?

— Кабальеро неверно расценивает мою нерешительность, — протянула я. — Мне неведом страх.

Пальцы посыльного дрожали, когда он затягивал на моем затылке тугой узел повязки.

— Вы позволите взять вас под руку? — уточнила я, сделав пробный шаг и чудом не растянувшись на мостовой.

Он крепко обхватил мой локоть:

— Пройдемте, донья.

Шли мы минут десять. Поворотов я не считала, только слушала всякий вздор, который шептал мой приятель ветер. Потом болтун резко исчез, из чего я заключила, что меня проводят воротами одного из городских храмов. Я давно замечала, что близость Источника поглощает стихию без остатка. Скрежет ключа в замке, скрип двери. Под ногами уже не брусчатка мостовой, а деревянный настил. Затем каблуки туфельек увязли в мягком ворсе ковра, и провожатый выпустил мою руку. В абсолютной тишине мне слышалось дыхание нескольких человек и громкий стук моего сердца.

— Развяжите ей глаза, — скомандовал чуть гнусавый мужской голос.

Я тряхнула головой и зажмурилась от яркого света. Мужчина был в маске, одной из тех, длинноносых, в которые состоятельные горожане любят насыпать благовония либо защитные порошки, призванные помешать заразе, передающейся по воздуху, добраться до них.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
ГЛАВА 1, в которой происходит беседа с наставницей, поверяются сердечные тайны и прочие девичьи глупости	17
ГЛАВА 2, в которой являются потерянные супруги и повествуется о пользе зрелищ	45
ГЛАВА 3, в которой поверяются сердечные тайны, плетутся интриги и мороки, а также происходят неожиданные встречи . . .	75
ГЛАВА 4, в которой происходит то, что давно должно было произойти, раздаются долги и проливается кровь	99
ГЛАВА 5, в которой происходит дознание, публику ожидают скандальные признания и некоторым героям предстоит вспомнить значение слова «компромисс»	118
ГЛАВА 6, в которой не находят ключей, зато подбираются замки, героиня идет на свидание, и подписываются некие бумаги	141
ГЛАВА 7, в которой происходит объяснение, ведется расследование и проверяются как границы женской дружбы, так и мужского терпения	177
ГЛАВА 8, в которой звенит сталь, идут в ход личины и мороки, раскрывается обман и строятся козни	205
ГЛАВА 9, в которой повествование ведется от лица нескольких персонажей, а героиня уходит в тень, но не пропадает из вида	234
ГЛАВА 10, в которой выясняется личность таинственного покровителя, Дракон попадает в пикантную ситуацию, а Источник пробуждается	257
ГЛАВА 11, в которой мирятся те, кто ссорился, и побеждает любовь	285